

А.А. Остапенко, Т.А. Хагуров
ОБЩИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ КАК УСЛОВИЕ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА
БЕЗ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ – проект № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтнического региона».

Ключевые слова: образ будущего, антропологический идеал, антропологическая норма, формула антропологического идеала.

Аннотация: На основе анализа исторического опыта России в статье осуществлена попытка формулирования образа будущего России, что позволило определить возможную формулу антропологического идеала, стремление к которому, по утверждению автора, дает возможность снизить накал межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

doi: 10.21510/1817-3292-2016-4-55-63

Исторический опыт России последних веков свидетельствует, что проблемы межнациональных и межконфессиональных конфликтов, которые проявляются сначала через недопонимание, атомизацию и рознь (переходящие в столкновения, открытый экстремизм, терроризм и даже гражданские войны), возникают в те эпохи, когда Россия, теряя индивидуальное лицо, рушит свой уникальный уклад и переходит к подражательству. Это происходит, когда в правящих элитах начинают преобладать лидеры, убежденные в невозможности собственного пути развития России. В такие эпохи мы теряем образ будущего Отечества, а вместе с ним – идеал человека, который может выстроить это будущее.

Россия интересна миру, когда она никому не подражает. Россия всегда была интересна миру только тогда, когда она предлагала свое, непохожее, *вселенское, всеединое, соборное – и общее Дело, и мировоззрение*, на которых и выстраивала свою воспитательную стратегию, основанную на *мессианстве, жертвенности и справедливости*. А затем предлагала ее миру – тогда она была мировым лидером. Но, как только она занимала подражательную позицию, – превращалась в скучного аутсайдера.

Тогда в чем же вообще особость России и русского¹ пути и какова стратегия национального воспитания в частности? Разумеется, в коротком тексте ответить на этот вопрос сколько-нибудь полно затруднительно, но несколько принципиальных замечаний высказать необходимо.

Начнем с того, что преувеличивать и драматизировать нашу особость не стоит. Россию иногда называют Евразийской цивилизацией, подчеркивая, что она особым образом соединила в себе Европу и Азию. Это верно, но лишь отчасти. В собственно культурном плане, то есть в том, что касается внутреннего содержания жизни (смыслов, ценностей и идеалов), Россия относится к восточной (византийской) ветви Средиземноморской цивилизации, построенной на соединении греко-римской Античности и христианства. Православие, принятое Россией у Византии и положенное в основание российской государственности в виде формулы «Москва – Третий Рим», во многом иначе, чем католицизм или протестантизм трактует вопросы духовной жизни. Но и то, и другое, и третье – христианство. Другими словами, Россия и Запад имеют общий культурный корень: эстетические, интеллектуальные и духовные ценности, понимаемые, разумеется, зачастую по-разному. Другое дело Азия: нас с ней роднит многое, но не самое существенное. От Азии Россия переняла политические и социальные формы, закрепившиеся в период монгольского владычества, однако в ценностном и смысловом плане мы отличаемся от Азии гораздо сильнее, чем от Европы. И еще одно важное отличие России и от Европы, и от Азии: будучи православной по духу культуры и политики, Россия сумела чудесным образом соединить в себе симфонию народов и религий. Русский ислам и русский буддизм вносили свои непохожие лепестки в российское соцветие народов и вер. Такого не знала

¹ «Русский» в данном случае используется не в этническом, а в культурном значении, в том, о котором американцы говорят *Russians*.

Европа, рождавшая свой *modern* в пламени кровавых религиозных войн; не знала и Азия, равнодушно взиравшая на бесконечное множество любых богов.

Своеобразие российской духовной культуры и той *вести*, которую несла миру Россия, связано с Православием. Однако, вот парадокс: наиболее сильным наше влияние на мировую политику и культуру было в XIX–XX веках – времени, казалось бы, «упадка» православной культуры. В XIX веке Россию настигает то, с чем Европа столкнулась одним-двумя столетиями раньше – секуляризация, обмирщение государственной и общественной жизни. А как же «Православие» – «самодержавие» – «народность»? Давайте почитаем, что пишут о состоянии православной жизни величайшие русские святые XIX века – Святители Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник. Оба единодушно говорят о кризисе подлинной религиозности, вырождающейся в обрядоверие, когда культ (внешняя форма) подменяет собой суть (состояние души). Об этом же писали и многие русские классики, например, тот же Н.С. Лесков в «Соборниках».

Важно пояснить, что у российской секуляризации есть принципиальное отличие от западной. Отличие, в котором в новейшее время и проявилась та особенность нашего пути, которая позволяет России до сих пор (и в нынешнем крайне тяжелом положении) сохранять потенциал возрождения и глубокого влияния на судьбы мира. Когда в Европе, говоря словами Ф. Ницше, «Бог умер», то в качестве главного регулятора жизни на смену заповедям Божьим пришел Закон; на смену ценностям Царства Небесного – ценности комфорта и счастья, а главным условием достижения счастья и следования Закону стал Разум. Это – Европейский Модерн, дитя Возрождения и Просвещения, Реформации и борьбы за религиозную свободу, подчинившийся в итоге Его Величеству Рынку. Рыночные ценности комфорта и благополучия, успеха и богатства стали источником величия и слабости Запада, который в XIX веке стремительно лишился *метафизики* – потребности сопричастности высшему, горнему миру.

Иное дело Россия: когда живой голос Православия почти затих в мертвенной пышности формализованного культа, ни Закон, ни Разум, ни Комфорт не стали для нее путеводной звездой. «И в этом все ее беды», – восклицали наши западники тогда (и сейчас). Однако, не будем торопиться, так как все гораздо сложнее. Народ, воспитанный Православием, хорошо понимал всю ограниченность этих новых блестящих западных богов: несовершенство и человекоугодливость Закона²; суету и бессилие Разума перед конечными вопросами бытия³; наконец, всю тщету Комфорта, который не мог спасти безутешного одинокого человека от Скуки и Тоски Смерти⁴. Ведущим регулятором жизни в России стала культура. XIX век – век всемирного торжества величественной русской культуры во всех ее сферах – музыке, балете, театре, живописи. Во главе же всего этого – великая русская классическая литература как авангард духовного и культурного развития страны. XIX век был веком Литературы, однако при этом литературу ни сами авторы, ни читатели не рассматривали как развлечение – она была учебником жизни, а русские писатели – ее учителями. В то время как в Европе бурно развивались социология и психология, в России их развитие было весьма скромным. И это неудивительно: наша литература сумела соединить невозможное – художественные средства познания человеческой души с вполне научной глубиной и тщательностью этого познания. Пушкина, Достоевского, Тургенева, Толстого и других наших классиков изучают во всем мире, ибо трудно найти что-то более самобытное и не похожее на западные модели в мире культуры, чем наши классики.

² В XIX–XX веках для крупнейших представителей западной социологии К. Маркса, Г. Зиммеля, Р. Мертона, Ч.Р. Милза и других социальная несправедливость в условиях попустительства закона стала центральной темой исследований.

³ Неслучайно XIX век – век позитивизма и веры в разум заканчивается триумфом иррационализма в философии – А. Шопенгауэр, З. Фрейд, Ф. Ницше – и литературе – Л.-Ф. Селин, Ф. Кафка и др.

⁴ Статистика самоубийств среди состоятельных слоев населения, начиная с середины XIX века, наглядно свидетельствует об этом.

Итак, в XIX веке русскую весть миру несла наша литература. Что это была за весть? Это был обмирщенный вариант Православия. Кто-то метко назвал русскую литературу *религией второй заповеди* – любви к ближнему. Когда мы вслед за европейцами потеряли Бога, у нас осталась любовь к ближнему (а не к себе любимому) и тоска по Богу. Эти два мотива – *сострадание к человеку* и *тоска по высшему смыслу* – стали центральными для всех (!) наших классиков, исключая, может быть, М.Ю. Лермонтова, которого не случайно называли русским Байроном.

Не может человек жить ради своего комфорта, когда ближнему плохо, а ближний – это всякий человек, ибо все мы люди – одна семья. Эту простую и великую мысль раз за разом, на разные лады повторяли все русские классики во всех сюжетах своих произведений. Именно этот «колокол» *разбудил Россию*. С теми же вопросами, с какими русская интеллигенция читала «Бедных людей» и «Униженных и оскорбленных» Достоевского, она перешла и к Марксу, поняв его весьма по-своему, в духе Достоевского. Русский коммунизм – это потрясающий сплав православных корней, литературного содержания и воспитанных на этом народных чаяний, выраженный марксистским языком. И *русский коммунизм стал вслед за литературой русской вестью миру*. И ведь мир слышал эту весть. Сейчас, когда революция 1917 года становится объектом ожесточенных идеологических атак, интересно посмотреть, какой ее видела русская литература. Есть два полярных литературных «зеркала» русской революции. Одно из них – булгаковское «Собачье сердце», так полюбившееся нашей интеллигенции. М.А. Булгаков увидел в революции бунт быдла (Шариков, Швондер и иже) против культуры (профессор Преображенский). Что ж, подобное есть в любой революции, ибо она неизбежно поднимает со дна социальную муть. Скажем лишь, что Филипп Филиппыч Преображенский – это отнюдь не дитя русской культуры. Профессор – типичный западник, человек любящий Комфорт, зарабатывающий большие деньги косметическими операциями и абортми (да, да, перечитайте, если не верите) и отказывающийся отдать одну комнату из семи для «уплотнения». Словно не зная, что в эти «уплотненные» комнаты людей переселяли из подвалов и бараков – вспомнил бы «Детей подземелья» Короленко или «Мальчика у Христа на елке» Достоевского. Для него этих детей подвалов просто не было. Ну, да Бог с ним, профессором, – все-таки любимый герой многих.

Но есть у русской революции и другое «зеркало» – «Как закалялась сталь» Н.А. Островского. Павка Корчагин, вполне по-евангельски готовый в любой момент «положить душу свою» – это тот герой, которому народ поверил и пошел за Советской властью. Павка – человек мечты, русский человек, переставший быть лишним и радостно сгорающий в служении той мечте. О чем была эта мечта? Мечта, которую миру в политике рассказали Ленин и Сталин, а в литературе – М.А. Шолохов и А.П. Гайдар, А.Р. Беляев и И.А. Ефремов. Мечта, в стремлении к которой вчерашние беспризорники колонии А.С. Макаренко, читая романы Горького, становились врачами и инженерами. Мечта, ради которой мы жертвенно остановили фашизм. Это была мечта все о том же *смысле и милосердии*, о том, что можно построить такое общество, где люди будут любить и уважать друг друга и жить не ради чрева, а ради Духа. Общество, где *свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех* (как же затаскали потом эту глубокую идею). Общество, в котором люди будут жить в скромных квартирах и ездить на общественном транспорте, но у них будут прекрасные школы, музеи и библиотеки (и они будут там часто бывать). Общество, где уважают любой честный труд и есть знатные крестьяне и рабочие, которые могут отдыхать на одних курортах с академиками и генералами. И такое общество было: пусть очень несовершенным и имевшим множество недостатков. Но тогда знали, что человека надо уважать за его моральные и трудовые заслуги, а не за деньги. В том обществе впервые человек поднялся в космос; дети не боялись гулять вечером во дворе дома и мечтали стать космонавтами и учеными, а не фотомоделями и олигархами. И это общество в какой-то момент утратило свою мечту, что произошло не просто и не сразу, но произошло. Отчасти в этом виноваты его враги, отчасти – оно само. *Но того общества больше нет.*

Будущее у России и мира есть только в том случае, если мир прислушается к русской вести о **смысле и милосердии**. А, чтобы это произошло, нам нужно вновь открыть эту весть миру. И заявить о ней очень громко, что непросто, почти невозможно в нынешних политических и культурных обстоятельствах. Для этого нужны новый огонь, новый язык, новая жертвенность Корчагиных, а не скепсис Преображенских. Для этого нужно, чтобы *русское Православие и русский коммунизм примирились и их голоса зазвучали в гармонии*. Для этого необходимо нам всем вспомнить о своих культурных корнях, вспомнить, что не «хлебом единым», перестать копировать бледненькое блеянье *education management*, обнуляющее подлинное образование... Для этого необходимо перед нашими детьми рядом поставить христианские и советские образцы и примеры: *образы стойкости и мужественности* святого Георгия Победоносца и Алексея Маресьева, *образы жертвенности и мученичества* святого Димитрия Солунского и генерала Карбышева, святых Веры, Надежды, Любви и Зои Космодемьянской, *образы служения Отечеству* благоверного князя Александра Невского и маршала Г.К. Жукова, благоверного великого князя Димитрия Донского и Павки Корчагина, *образы самоотдачи и милосердия* великой княгини Елизаветы Федоровны, святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и медицинских сестер Великой Отечественной, *образы тех, кто достиг высот в просвещении*, равноапостольного Николая Японского и А.С. Макаренки.

Для этого нужно очень многое, чего сегодня нет. Сумеем ли мы все сообщать это создать и возвестить эту *новую русскую весть*? Вот тот вопрос, который определит то, кем будут наши дети и внуки: поденными рабочими на американских или китайских заводах (если повезет) и обитателями социального дна (если не очень повезет) или свободными учеными, инженерами и поэтами свободной и великой страны. Выбор за нами.

Образ будущего России начинает проявляться. Осуществить синтез лучшего, что было в нашей истории, и на его основе выявить принципы строительства нашего Отечества недвусмысленно призвал Святейший Патриарх Кирилл: «Любовь к Родине, чувство братства и чувство долга, готовность положить “душу свою за други своя” одинаково характерны для героев Куликова поля, Бородина и Сталинграда. Эти же свойства национального характера отличают большинство русских людей сегодня. <...> Мы должны взять из различных исторических периодов все по-настоящему значимое и ценное. Нам нужен великий синтез высоких духовных идеалов древней Руси, государственных и культурных достижений Российской империи, социальных императивов солидарности и коллективных усилий для достижения общих целей, определявших жизнь нашего общества большую часть века XX, справедливое стремление к осуществлению прав и свобод граждан в постсоветской России. Синтез, который лежит за пределами привычной дихотомии “правые – левые”. Синтез, который можно описать формулой “*вера – справедливость – солидарность – достоинство – державность*”» [9].

К формуле Патриарха добавим формулу Президента: «Для моего поколения все это имело большое значение, у нас было еще то, что называлось улицей, двором, общим домом, где мы с друзьями росли. Мы много времени проводили на этих, как бы сегодня сказали, неформальных площадках. Да, проблем там было тоже очень много, достаточно, но там воспитывались такие качества, как умение дружить, помогать друг другу, различать добро и зло. Подлость и предательство были для нас самым последним, презираемым делом. Мы спорили, обсуждали происходящее, прежде всего, конечно, в школах, фильмы, героев книг.

Сейчас жизнь, безусловно, кардинально изменилась, но истинные ценности – они всегда остаются. Это *честность, патриотизм, совесть, любовь, доброта, мужество, достоинство, отзывчивость, ответственность и чувство долга*» [8]. Основываясь на формулах Президента и Патриарха, на симфонии позиции светской и церковной власти, мы можем в первом приближении сформулировать Образ будущего общества как стратегическую сверхзадачу: ***общество, основанное на справедливости, солидарности, державности, патриотизме, достоинстве, ответственности.***

Еще раз прислушаемся к словам Патриарха Кирилла: «Сегодня нередко слышатся голоса, призывающие принять как некий эталон какой-либо один период нашей истории, одновременно принижая, умаляя и всячески критикуя значение других периодов. Кто-то идеализирует дореволюционное прошлое, не видя в советской эпохе ничего кроме гонений на Церковь и политических репрессий. Другие утверждают, что именно советский период был нашим золотым веком, за пределами которого – лишь социальное неравенство, коррупция и технологическая отсталость».

На самом деле описание прошлого России требует сложной, многоцветной палитры. Черно-белой схемы здесь явно недостаточно. Более того, упрощения создают искаженную и разорванную картину истории, распадающейся на отдельные куски, подобно разбитому зеркалу. Нельзя повторять ошибки тех, кто, по меткому выражению Александра Зиновьева, «целился в коммунизм, а попал в Россию».

В любые времена, несмотря на все реформы, революции, контрреволюции, Россия сохраняла свою цивилизационную основу. Менялись модели государственного устройства, титулатура правителей, привычки правящих классов, но русское общество, русские люди сохраняли свою национальную идентичность» [9].

Образ будущего общества как «образ мечты о будущей России» требует более подробного описания, которое должно начинаться с перечня основополагающих базовых принципов социального устройства и базовых желательных качеств человека будущего. И у этого образа непременно должно появиться ясное Имя, которого пока, увы, нет. Общество будет двигаться вперед к будущему, когда обществу будет ясен Образ этого будущего (и здесь очень важно уйти от разделяющих крайностей типа «до основания, а затем»).

Антропологический идеал. Если идеальный образ будущего общества как стратегическую сверхзадачу мы формулируем как **общество, основанное на справедливости, солидарности, державности, патриотизме, достоинстве, ответственности**, то для такого общества нужен человек, способный выстраивать такое общество. Таким антропологическим идеалом, на наш взгляд, должен быть Образ, устраивающий всех разумных патриотов Отечества – и православных, и мусульман, и буддистов, и коммунистов, и настоящих либералов. На наш взгляд, этот антропологический идеал может быть сформулирован так: *самостоятельный (самостоящий), здоровый (здравый) человек, стремящийся к духовному, нравственному, умственному и физическому совершенству*.

Разберемся в этой емкой антропологической формуле, обосновав в ней каждое слово, помня, что «нам, огрубевшим, от нашей материально неблагополучной жизни, самое время напомнить, что крушение материального Союза ССР не означает полного и бесповоротного его крушения, ибо последнее, смею надеяться, не затронуло лучшую, в полном смысле слова нетленную часть нашего союза, о которой я имею кое-что сказать уже профессионально как языковед, ибо это – языковой союз, русский языковой союз» [9, 4]. Поэтому, следуя завету академика О.Н. Трубачева, каждое слово обоснуем отдельно.

1. Слово **«человек»** (а не личность или индивидуальность) мы употребляем потому, что: а) оно емко и полно (и антиномично включает и широту советской всесторонней личности, и глубину гуманистической самореализованной индивидуальности); б) оно отражает отличие человека от бессловесных тварей («В человеке отличительное от прочих тварей свойство есть дар слова. Отсюда название *словек* (то есть *словесник*, *словесная тварь*) изменилось в *цловек*, *чловек* и *человек*» [16, 43]); в) оно подчеркивает «главное отличие людей, как существ словесных, мыслящих словами, от всего живого, сотворенного Богом, но и в том, что Слово – это прежде всего имя Самого Бога! Но если Отец наш есть Слово, то рожденные от Него, конечно же, *словески*, *чловеси*, *человеки*» [3, 11–12].

2. Слова **«стремящийся к совершенству»** взяты из формулировки цели учения дореволюционных гимназий России, основанной на слове Спасителя «Будите убо вы совершени, якоже отец ваш небесный совершен есть» (Мф. 5, 48), согласно которой

ученики «должны всеми силами своей души стремиться к *совершенствованию* своему во всех отношениях» [7, 168]. В первом русском учебнике педагогики А.Г. Ободовского *образ совершенства* тоже был ясно сформулирован: «Истинное воспитание имеет предметом своим образование всех способностей человека в совокупности. Оно объемлет не одно только тело, но и душу, не один только ум, но и сердце, не одно только чувство, но и рассудок – оно объемлет целого человека. Если представить себе все разнородные силы человека соединенными в одно согласное целое, то перед нами будет *идеал совершенства человеческого*. Возможное *приближение воспитанника к сему идеалу*, через согласное развитие и образование всех его способностей, составляет **конечную цель воспитания**» [5, 6]. Советский антропологический идеал предполагал формирование «людей, гармонически **сочетающих высокую идейность, трудолюбие, организованность, духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство**» [13, 396].

Мы полагаем, что понятие «**совершенство**», поможет осуществить «синтез, который лежит за пределами привычной дихотомии “правые-левые”» [9], позволяя наполнять его хоть абстрактным советским образом совершенной «всесторонне развитой гармоничной личности», хоть конкретным христианским Образом Богочеловека. Слово «совершенство» как «полнота всех достоинств и высшая степень какого-нибудь положительного качества, какой-нибудь добродетели, человек, лишенный недостатков» (С.И. Ожегов), как «полнота, крайний предел свойств, качеств, безукоризненность» (В.И. Даль) вмещает в себе положительные антропологические идеалы всех традиционных для России мировоззренческих систем.

3. Относящиеся к слову «**совершенство**» прилагательные «**духовное, нравственное, умственное и физическое**» охватывают все сферы природы человека: природную, социально-культурную и религиозную.

4. Слово «**самостоятельный (самостоящий)**» позволяет реализовывать и гуманистическое стремление к *самостоятельности* и православное основанное «от века По воле Бога Самого **Самостоянье** человека – Залог величия его». При этом А.С. Пушкин ясно и гениально определяет эти Божественные основания для «самостоянья человека» – «Любовь к родному пепелищу. Любовь к отеческим гробам», называя их «животворящей святыней».

5. Слово «**здоровый (здравый)**» охватывает стремление к полноте естественного начала человека – его природную сферу бытия. Этимологически происхождение слова «здоровый» и М. Фасмер, и Н.М. Шанский, и О.Н. Трубачев относят к праславянскому **szdorъ*, родственному «с др.-инд. *su-drû-* 'хорошее, крепкое дерево'» [12, 532]. Образ крепкого дерева указывает и на природное начало, и на стремление к высокому, и неповрежденную целостность («авест. *druvô* – здоровый, невредимый» [15, 322]). Здоровый (здравый) человек подобен дереву по крепости, по высоте и по *мысли*. Святитель Феофан Затворник указывает, что именно **здравомыслие** дает человеку «наибольшую долю счастья» [14, 33], а преподобный Филофей Синайский предупреждает, что подчиняющий нас «сначала отнимает здравомыслие» [1, 412].

В формулировке Образа будущего образования России мы принципиально ушли от иноязычных слов (компетентный, адаптированный, индивидуальность, etc.), понимая, что импортозамещение должно начинаться с главных понятий. Именно поэтому мы особое внимание уделили их этимологии.

Антропологическая норма. Антропологический идеал непосредственно связан с понятием антропологической нормы. «Принципиально важно, что педагогическое понятие нормы – это *не характеристика* среднестатистического или среднегруппового уровня развития каких-либо способностей в какой-либо возрастной группе. Норма – это не одинаковость для некоторой возрастной группы, не всеобщая «воинская повинность», а, прежде всего, указание на высшие возможности для данного возраста, для данной ступени образования. Именно *возможностей* возраста, а *не его достижений*, так как новообразования развития всегда обнаруживают себя за пределами того возрастного периода, где они сложились. Понятие «норма развития» культурно и личностно

обусловлено, следовательно, это понятие *аксиологическое* (ценностное), а не собственно научное, где уже само развитие полагается как норма, и тем самым – как ценность. Традиционно *антропологическая норма* понималась как *не то среднее, что есть, а то лучшее, что возможно для конкретного человека при соответствующих условиях* [4, ч. 10]. Такой подход соответствовал и православному пониманию нормы (совершенство и святость Образа Божия как православная антропологическая норма), и советскому (совершенство всесторонней гармоничной личности как советская антропологическая норма). И любые *отклонения* (девиации) от этой нормы могли быть *только отрицательными*. Одним словом, ***норма есть максима и полнота человеческой природы во всех ее составляющих*** (компонентах, ипостасях, сферах бытия). Отклонение от нее, неполнота есть ущербность и нарушенность. Это как в медицине, *здоровье есть норма* (отсутствие поврежденности). Отклонение, *нарушенность полноты здоровья есть болезнь*, от которой надо избавляться (лечить).

За время перестройки и постперестройки было насильно изменено понятие нормы (в первую очередь, психической). И то, что еще совсем недавно считалось отклонением и требовало лечения, было объявлено либо пограничным состоянием, либо личностной акцентуацией, либо особым и допустимым видом нормы. С тех пор ко всему прочему появились «либеральные» законы, запрещающие принудительно лечить психов и алкоголиков, и ироничная реплика «психи среди нас» стала повседневной реальностью. За четверть века ползучего онормаливания кого только ни объявляли нормальными, но «особенными», или такими же, как все! А на фоне пресловутой политкорректности и борьбы за права «особенных» детям стало невозможно показывать старый добрый советский мультфильм про голубого щенка с его веселым рефреном «Голубой, голубой, не хотим дружить с тобой!».

В «старой доброй христианской» (когда-то!) Европе процесс онормаливания пошел значительно дальше. Пали православная (когда-то!) Греция и католическая Италия, объявив законной нормой однополые браки. В Северной Европе на полном серьезе рассматривают законопроекты об объявлении законной нормой половых отношений между родителями и детьми. Дескать, это такая давняя скандинавская традиция. И у всей этой мерзости находится якобы научное обоснование, выстроенное на релятивизме, в первую очередь, нравственном. Всякая норма объявляется относительной и изменчивой, а несогласных с этим называют ретроgrадами и догматиками. Советская трактовка слова «догматик», подразумевавшая твердолобость или отсутствие гибкости, – детский лепет в сравнении с оценками нынешними либералами людей, отстаивающих абсолютные, они же – традиционные, ценности.

Сегодня относительность почти торжествует победу: между чернотой зла и белизной добра она втиснула серость, смешав одно с другим, и довольно успешно отвоевывает себе пространство. Вместо абсолюта истины процветает плюрализм мнений; отклонения от нравственных норм теперь, оказывается, могут быть не только отрицательными, но и положительными. Даже в околonaучных книжках о положительных девиациях утверждают, что «мы исходим из принципа полипарадигмальности в любой науке и принципиальной невозможности “установить” (познать) единственно верную Истину» [10, 6]. Такая вот теперь девиантология – нарушители норм теперь бывают и «плохие», и «хорошие»!

Представьте себе инспектора ДПС, который остановил водителя и выписал ему... премию за нарушение правил в лучшую сторону. Улыбаетесь? На сферу дорожного движения, к счастью, релятивизм не распространился, а вот в сферу нравственности и педагогики проник. Найти человека (в том числе и среди педагогов), убежденного в том, что между добром и злом не может быть полосы серой относительности, непросто (в чем автор убеждался неоднократно).

Очевидно, что торжество нравственного релятивизма имеет религиозно-богословские корни. Православная антропология утверждает, что до грехопадения Адам

был в естественном (безгреховном) состоянии, а после него погрузился в противоестественное (греховное). Западное богословие утверждает, что Адам перешел из сверхъестественного состояния в естественное: «Римо-католики учат, что состояние первых людей было сверхъестественным, что с падением человек лишился лишь благодати, как узды, что природа человека осталась неповрежденной» [2]. Мы, православные, призываем, понуждаем, уговариваем человека вернуться в естественное состояние святости, а римо-католики считают, что человек уже находится в естественном состоянии и было бы, конечно, неплохо, чтобы он перешел в сверхъестественное, но и естественным вполне можно довольствоваться. Разницу чувствуете? В православии стремление к святости – это возвращение к норме, а у католиков – положительная девиация. Для нас норма – это лучшее, для них норма – это среднее. Для нас норма – абсолютна и неизменна, для них – относительна и изменчива. И свое понимание за двадцать пять лет они нам почти навязали. Мы же стремились стать частью единого от Лиссабона до Владивостока Запада – вот и согласились с этой экзотической трактовкой понятия «норма», усреднив ее до абсурда.

Сегодня становится понятным, что мы поспешили перекроить свою систему мировоззренческих ценностей. Пришло время возвращаться домой – благо, еще есть куда. Стало предельно понятно, что «плавающая» норма может привести лишь к «естественному» узаконенному содомизму (последними пали православные греки и католики итальянцы), законной наркотизации, пролицизированной проституции и детскому разврату. А все начиналось с объявления греха естественной нормой и введения понятия «позитивная девиантность». Общество, в котором болезнь или разврат объявляются особой разновидностью нормы, неизбежно деградирует – теряет стыд как нравственный регулятор. И благо, если у людей хватает сил, ума и нравственного чутья вернуться «домой» после неудачной, слава Богу, попытки путешествия в «земной рай» комфортного блуда. Пора занять непреклонную позицию в понимании нормы и, в случае отклонения, как ее утраты.

И пора бы, наконец, усвоить, что святость и совершенство – это естественная, единственно возможная норма человеческого бытия, несмотря на то, что эта норма стала экзотической и редко встречающейся. Нельзя врачу болезнь объявлять нормой, даже если вокруг нет здоровых людей. Иначе пойдем вслед за нынешними греками и итальянцами... (Вас туда все еще тянет?..) А пока вернем знак равенства между понятием «идеал» и понятием «норма». Это в духе нашей традиции, которую мы почти потеряли.

Формула антропологического идеала. Помня, что жизнь человека «протекает одновременно в трех сферах бытия – природной, социально-культурной и религиозной» [6, 22], основываясь на этих трех началах и трех сферах человеческого бытия, можем вывести некую формулу полноты человеческого совершенства.

Природное совершенство человека можно описать как *homo adultus* – **человек взрослый, человек здоровый** (здравый). Совершенство социально-культурной сферы описывается понятиями «**человек обученный**» (знающий + умеющий, разумный + умелый, *homo sapiens* + *homo habilis*) и «**человек воспитанный**» (культурный + нравственный, *homo mundi* + *homo moralis*). Совершенство в религиозной сфере – это **человек духовный**, *homo spiritalis*.

Таким образом, эта формула такова:

человек совершенный =
= человек духовный +
+ человек обученный (знающий + умеющий) **+**
+ человек воспитанный (культурный + нравственный) **+**
+ человек взрослый и здоровый,

или

homo perfectus =
 = *homo spiritalis* +
 + *homo sapiens* + *homo habilis* +
 + *homo mundi* + *homo moralis* +
 + *homo adultus*.

И каждое слагаемое этой суммы еще предстоит наполнить смыслом и содержанием. При этом помним, что, теряя норму, теряя идеал или его составляющие, мы теряем созидательный смысл и верх берет ущербность, которая своей уродливостью порождает рознь и непонимание, приводящие к социальным конфликтам, экстремизму, терроризму и гражданским войнам. Идеал же исчезает тогда, когда его перестают транслировать учителя и родители, теряющие **Образ будущего Отечества**.

1. Добротолюбие. Т. 3. Пер. с греч. свт. Феофана Затворника. 4-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.
2. *Зноско-Боровский Митрофан, прот.* Православие, римо-католичество, протестантизм, сектантство. Сравнительное богословие. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998.
3. *Ирзабеков, В.Д.* Тайна русского слова. М.: Даниловский Благовестник, 2008.
4. *Исаев, Е.И., Слободчиков, В.И.* Психология образования человека. Становление субъектности в образовательных процессах. М.: ПСТГУ, 2014.
5. *Ободовский, А.* Руководство к педагогике или науке воспитания, составленное по Нимейеру. СПб.: Тип. Вингера, 1833.
6. *Платон (Игуменов), архим.* Нравственное богословие. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008.
7. Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Май. Часть CLXXII. С. 168-204.
8. *Путин, В.В.* Выступление на праздновании Дня знаний с воспитанниками и педагогами образовательного центра для одаренных детей «Сириус» 1 сентября 2015 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/50216>.
9. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного русского народного собора 11 ноября 2014 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html>.
10. Творчество как позитивная девиантность / Под ред. Я.И. Гилинского, Н.А. Исаева. СПб: Алеф-Пресс, 2015.
11. *Трубачев, О.Н.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 2005.
12. *Трубачев, О.Н.* Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. *Федосеев, П.Н.* и др. Научный коммунизм. Учебник для вузов. 5-е изд. М.: Политиздат, 1982.
14. *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Собр. писем. М.: Правило веры, 2009.
15. *Черных, П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. А-Пантомима. М.: Рус. яз, 1999.
16. *Шишков, А.М.* Славянорусский корнеслов. СПб.: Изд-во Л.С. Яковлевой, 2001.